

НЕ В ОРЕОЛЕ ПОБЕД

Обращение автора «Привычного дела», «Канунов» и «Лада» к историческим событиям XIII века, к личности Александра Невского, притом, обращение в жанре драматургического действия, — поступок, с точки зрения предписывающей критики, своевольный. Еще ведь на памяти у нас недавние обиды критических регламентаторов по поводу злободневного беловского романа «Все впереди». Зачем, мол, «деревенщику» было покушаться на сугубо городские проблемы, которые нельзя-де разглядеть из косячата окна?

«Затем, — ответим словами Пушкина, — что ветру и орлу и сердцу девы нет закона. Таков поэт...». Да, подлинный художник, «не спросись ни у кого» из своих регламентаторов, волен избирать героя, тему, век, обстановку, речь, жанр и вид искусства. Это и есть творческая воля в действии, о необходимости, о нехватке которой мы все так много любим говорить.

В беловском обращении к труднейшему узлу древнерусской истории проглядывает, однако, не только воля, но и своя неумолимая художническая логика. Схвачен такой неприглядный разворот государственной сумятицы, что тут автору «Лада» поневоле пришлось воссоздавать самый вопиющий и удручающий разлад русской жизни. Может быть, нам по привычке хотелось бы увидеть Александра Невского в ореоле боевых побед, в окружении беззаветно верных дружинников — новгородцев, псковичей. Но мы видим иные совсем картины. Новгородские бояре успешно подстрекают толпу к отказу от державных услуг Невского героя. А когда он оказывается в Пскове, то и тут вдоволь дано ему насмотреться на людские неверность и неверие.

А братья Невского? Вот уж подлинно, кто в лес, кто по дрова. В этой-то обстановке возмутительного внутреннего разброда и непрерывных покушений на обескровленную Русь с Востока и Запада приходится закладывать Александру Невскому основы того государственного лада, благодаря которому Русь все же выстоит и через полтора века поднимет свои стяги над Непрядвой и Доном.

Драма власти, ставшая, на мой взгляд, смыслообразующей основой пьесы, заключается вовсе не в констатации того, что властвовать, мол, всегда непросто. Белов, особенно в новгородских сценах, мастерски показывает эгоистический, недержавный характер вечевого вольницы, как бы ни поражала она внешнего наблюдателя живым и красочным бурлением мнений, впрочем, умело контролируемых и направляемых боярскими верхами. И очень важно видеть, что «державство» русское, каким оно представляется Александру, состоит в усмирении центральных и местных эгоистических вихрей, но вовсе не в отмене народного волеизъявления.

Беловский Александр и в этих думах и делах остается ратоборцем. Но тут уже — подвиги иного, высшего порядка, истинный смысл и вес которых осознаются, может быть, лишь спустя века.

Юрий Лошиц